

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

UDC 334.7
LBC 63.52

Submitted: 15.03.2022
Accepted: 07.08.2022

THE ORGANIZATION OF FISHING AND HUNTING CRAFTS AMONG THE RUSSIAN POPULATION OF THE DON AND LOWER VOLGA AREA: ITS ARTEL ROOTS¹

Marina A. Ryblova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article reveals the peculiarities of the organization of fishing and hunting among the Russian population of the Lower Volga region and the Don in the 18th – 19th centuries, which were associated with the artel (collectivist) beginning. The author shows that the general principles of the organization of male fishing artels of fishermen and hunters find direct analogies with the organizational principles characteristic of archaic male, including military, traditions, for example, for the Cossack communities of the Don and Volga in the early period of their history. *Methods and materials.* The study was carried out on the basis of data from the periodical press of the 19th century, archival and field materials, reflecting both the fishing activities of the Russian population of the region and the forms of self-organization of the Don Cossacks in the early period of their history. This made it possible to conduct a historical and cultural comparison and identify common or similar norms and principles associated with archaic social institutions. *Analysis.* Conducting a comparative analysis, the author discovers that these similarities manifest themselves in the traditions of the free seizure of territories and ideas about their land and the common share, in the electability of the leaders of the artels, other officials and the presence of general meetings of its members, in the ways of dividing the loot, in the presence of unwritten law, rituals, prohibitions and regulations. *Results* Many of these principles and norms are opposed to those that were typical, for example, for agricultural communities, demonstrating a connection with such categories as “strength”, “luck”, “competitiveness” on the one hand, and the denial of equality in work and the division of production, on the other. Contrasted with those that were typical, for example, for agricultural communities, demonstrating a connection with such categories as “strength”, “luck”, “competitiveness” on the one hand, and the denial of equality in work and the division of prey, on the other. Russian colonization of the Don and the Lower Volga area, starting from the 16th century, was carried out mainly by free Cossacks (also engaged in hunting and fishing), and later – by the Russian commercial population. The formation of neighboring land communities in the region began much later (from the beginning of the 18th century). There is reason to assert that the people’s “Cossacks” and artel principles were subsequently periodically revived at a later time in the fishing activities of the male part of the population, consolidating in the public consciousness strong stereotypes of survival in extreme living conditions based on deep social and cultural archaism. The actual folk forms of self-organization existed along with official structures, representing a deep layer of social life, some elements of which survived until the end of the 20th century.

Key words: hunting and fishing, archaic principles of the organization of crafts, the artel principle, the idea of one’s territory and share, rituals and customary law in fishing artels.

Citation. Ryblova M.A. The Organization of Fishing and Hunting Crafts Among the Russian Population of the Don and Lower Volga Area: Its Artel Roots. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 108-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

АРТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО В ОРГАНИЗАЦИИ РЫБОЛОВНОГО И ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛОВ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНА И НИЖНЕЙ ВОЛГИ¹

Марина Александровна Рыблова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье выявляются особенности организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Нижнего Поволжья и Дона в XVIII–XIX вв., связанных с артельным (коллективистским) началом. Автор показывает, что общие принципы организации мужских промысловых артелей рыбаков и охотников находят прямые аналогии с организационными принципами, характерными для архаичных мужских, в том числе воинских, традиций, например, для казачьих сообществ Дона и Волги в ранний период их истории. Проводя сравнительный анализ, автор обнаруживает, что эти сходства проявляются в традициях вольного захвата территорий и представлениях о «своей» земле и «общей доле», в выборности предводителей артелей, других должностных лиц и наличии общих собраний ее членов, в способах дележа добычи, в наличии норм неписанного права, обрядах, запретах и предписаниях. Многие из этих принципов и норм оказываются противопоставленными тем, что были характерны, например, для земледельческих общин, демонстрируя связь с такими категориями, как «сила», «удачливость», «состязательность» с одной стороны, и отрицание равенства в распределении работы и разделе добычи, с другой. Учитывая то обстоятельство, что колонизация русскими Дона и Нижнего Поволжья начиная с XVI в. осуществлялась преимущественно вольными казаками (занимавшимися также охотой и рыболовством), а позднее – русским промысловым населением, а формирование в регионе соседских поземельных общин началось гораздо позднее (с начала XVIII в.), есть основание утверждать, что народные принципы «казакования» и артельного начала, положенные в основу колонизации региона, впоследствии периодически возрождались в более позднее время в промысловой деятельности мужской части населения, закрепляя в общественном сознании прочные стереотипы выживания в экстремальных условиях жизни с опорой на глубокую социальную и культурную архаику. Собственно народные формы самоорганизации существовали наряду с официальными структурами, представляя собой глубинный пласт социальной жизни, отдельные элементы которого дожили до конца XX века.

Ключевые слова: охотничий и рыболовный промыслы, архаичные принципы организации промыслов, артельное начало, представление о своей территории и доле, обряды и обычное право в промысловых артелях.

Цитирование. Рыблова М. А. Артельное начало в организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Дона и Нижней Волги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 108–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.8>

Введение. Охота и рыболовство как виды промысловой деятельности русского населения Нижней Волги и Дона в связи с их артельной организацией нашли отражение в нескольких кандидатских диссертациях [1; 11; 21], а также в статьях, в том числе помещенных в «Этнографической энциклопедии Волгоградской области» [34, с. 79–89, 273–274; 35; 37]. При этом детальный анализ способов организации этих промыслов представлен лишь в одной из работ – в исследовании В.В. Когитина, кото-

рый выделил основные типы артелей рыбаков и охотников Нижнего Поволжья в середине XIX – начале XX в., основываясь на принципах имущественных отношений и способах раздела добычи [11, с. 10, 14]. В то же время многие аспекты именно артельного начала в организации промысловой деятельности населения региона остаются до сих пор не исследованными.

Между тем такое исследование позволило бы не только выявить региональную спе-

цифику промысловой организации в регионе, но и расширить наши представления о народных формах самоорганизации, а также соотнести их с характерными для этого региона традициями «казакования», на архаичные истоки которого уже указывали многие ученые [7; 17; 23]. Собственно, в этом и состояла авторская гипотеза, сформулированная перед началом этого исследования: и ранние мужские военизированные казачьи сообщества, и мужские артели промысловиков, занимавшиеся охотой и рыбной ловлей, в своих организационных формах вполне могли опираться на одни и те же архаичные социокультурные нормы, связанные с ситуациями ухода мужчин за пределы домашней жизни и необходимостью самоорганизации в условиях социальной аномии Дикого поля – реального и символического.

Актуальность такого исследования обусловлена как недостаточной степенью изученности именно промысловой деятельности населения Нижней Волги и Дона (при значительных научных наработках в области казаковедения), так и тем обстоятельством, что и в современных условиях жизни при возникновении экстремальных ситуаций отдельные социальные группы нередко начинают использовать весьма архаичные принципы организации, на что уже неоднократно обращали внимание этнографы и культурологи, например, при изучении российской армии, «зон», браконьерских сообществ и других «экстремальных групп».

Методы и материалы. Исследование осуществлено на основе данных периодической печати XIX в., архивных и полевых материалов, отражающих как промысловую деятельность русского населения региона, так и формы самоорганизации донских казаков в ранний период их истории, что позволило провести историко-культурное сравнение и выявить общие или сходные нормы и принципы, связанные, в свою очередь, с архаичными социальными институтами.

Анализ. *Артели рыбаков и охотников Нижней Волги и Дона: общие принципы организации.* Рыболовством и охотой население Дона и Нижней Волги занималось с самого начала освоения этого региона (донские казаки с XVI в., русское промысловое насе-

ление – с XVII–XVIII вв.), однако значительную роль в хозяйстве промыслы приобрели лишь в отдельных зонах: рыболовство – на Волге (включая степное Заволжье), в низовьях Дона и на Каспийском море; охота – в среднем течении Дона (на лесных и степных зверей); в приволжских землях, в степных и полупустынных зонах Заволжья (на степных зверей и птиц). В водах Каспийского моря (на островах) получил распространение промысел по добыче тюленей.

Членов рыболовецких артелей на Волге называли *ловцáми*, организованных охотников – *промьшленниками* (на Волге) и *гулбщиками* (на Дону). При этом и рыболовы, и охотники делились на группы, каждая имела название в зависимости от того, какой вид птиц, рыб или зверей промышляла, а также от используемых орудий лова / охоты. Так, среди рыболовов выделялись: *плáвучи* (использовавшие плавные сети), *неводчики* (ловившие рыбу неводами), *эмбёнцы* (морские рыболовы, промышлявшие красной рыбой); среди охотников – *суслýтники*, *сúровщики*, *кабáнщики*, а также *полотнýтники* (охотившиеся на фазанов и куропаток с помощью полотна) и др. Промысловики, занимавшиеся боем тюленей в Каспии, назывались *тюлénщиками* / *бойцáми*. При этом выделялись тюленщики, которые осуществляли промысел в течение всего года (*зимóвичи*) и весной (*вёсниччи* или *гáгиччи*). Столь дробная специализация, стоящая за этими и другими терминами, свидетельствует о высоком уровне развития промыслового хозяйства в регионе в до-революционное время, а также о развитости ее артельных форм.

Артели рыболовов и охотников, как правило, формировались на сезон. При этом (по классификации В.В. Когитина) выделялись три их основных типа. Артели первого типа формировались на принципе относительного равноправия всех членов (*склáдчина*); второго – отличались наличием *хозяина* – владельца промысловой кооперации или арендатора вод; при этом рыбаки, заключавшие с ним договор, имели свои лодки, снасти и получали значительную прибыль. Для артелей третьего типа была характерна полная зависимость артельщиков от «хозяев», бывших владельцами основных орудий лова и охоты, а также

билетов, дающих право осуществлять промысел. Артели первого типа преобладали у рыбаков дельты Волги (а также у бурлаков); у донских казаков среди охотников-гулебщиков, а также у полотняников, кабанщиков и сусятников Нижней Волги. У астраханских казаков, а также у охотников на птиц (*душегубов*) и суровщиков преобладали артели второго типа (имели «хозяина», в зависимости от которого находились остальные члены артели). Артели третьего типа стали все более распространяться в Нижнем Поволжье по мере капитализации промыслов [11, с. 14].

Для нижневолжских рыбных промыслов была характерна и более сложная организационная система. При больших масштабах промысла несколько артелей объединялись в *стан* – в летнее время и в *кош* – в зимнее. Из числа всех, вступивших в объединение артельщиков, выбирался старшина (*кошевой*), которому все подчинялись беспрекословно [18, с. 93]. Становая и кошевая системы организации промыслов находят аналогии в казачьей и в целом в архаичных воинских традициях. Так, объединение в станы (*станыцы*) нескольких воинских артелей (*односумств*) было распространено у донских казаков в ранний период их истории и связано с понятием общей суммы для хранения артельного имущества. Кошевую систему имела организация войска у запорожских казаков. Первичные ячейки у них назывались *казанями* (соответствующие донским артелям-суммам), которые объединялись в «кош». «Кос» («кош») был также основной структурной единицей казахского ополчения, соотносимого в свою очередь с десяткой монгольского войска. Кос – это группа людей, питающихся из одного котла; человек, ответственный за приготовление и распределение пищи в косе, назывался *казанши* (букв. – распорядитель котла) [31, с. 80]. «Котлами» назывались у кавказских горцев подразделения военного отряда, члены которых были односельчанами [9, с. 122]. Таким образом, во всех перечисленных терминах, обозначающих принципы организации казачьих войск или промысловых объединений, фиксируется связь с понятием общего имущества-добычи. В свою очередь, сакрализация общего котла и суммы была связана с представлениями о них, как о символах об-

щей доли членов воинской или промысловой артели. Впрочем, к обоснованию значимости этой (важнейшей в русской народной традиции) категории для промысловиков Дона и Волги мы еще обратимся далее.

Иногда на короткое время две рыбацкие артели на Нижней Волге могли объединиться в *связку*. Этот термин указывает на такую норму, как созависимость всех ее членов, обязательное соответствие общественным нормам и принципам ее организации (зачастую – очень жестким). Часто в договорах с хозяином каждый член артели поручался за остальных товарищей: «если кто у них противно заключенному договору поступать будет, обязуются все отвечать за его преступления» [20, л. 2].

Обычно при организации рыболовного и охотничьего промыслов строго регулировались сроки начала охотничьего сезона. Так, ни одна из артелей тюленщиков не имела права начинать охоту до 13 апреля. За нарушение этого правила добыча провинившихся отбиралась и распределялась между прочими артелями [19]. Наем «на суслики» (сусятников) начинался с 1 марта («об Евдокии»), а заканчивались работы по истреблению грызунов «на Петров день» (29 июня) [28]. За этими и другими временными ограничениями стоял общий принцип соблюдения равенства прав всех участников промысла, а также представления о том, что природные ресурсы являются общими.

Народные принципы формирования территории промыслов. По мере развития промысловой деятельности населения Дона и Нижней Волги самые разные акторы (правительство, частные владельцы земель и вод) принимали активное участие в распределении зон этих промыслов и выработке правил их использования, однако параллельно существовали и воплощались на практике и собственно народные принципы формирования промысловых территорий, а также особые представления о «своей» земле. Так, на Нижней Волге в «вольных тюленьих водах» существовала практика захвата островов: в течение всего сезона какой-нибудь остров принадлежал той артели, которая «захватила» его первой. Закончив бой тюленя, артельщики оставляли на острове «караульщика», обязанностью кото-

рого было наблюдать за чистотой и не допускать на остров другие артели [16]. «Метку» своей территории практиковали и артели нижневолжских охотников: лисятники и выхухлятники недалеко от нор ставили особые знаки, а суровщики нанимали караульщиков для охраны своих территорий [6, с. 57; 2].

Вольный захват промысловой территории был характерен и для занимавшихся морским промыслом поморов Русского Севера в тот период, когда существовало изобилие незанятых промысловых участков. Захваченные промысловые участки поморы отмечали особым способом, например, *вытѣшивали* (вырубали пешней прорубь), *стáвили вѣхи* (втыкали палки, молодые деревца) или просто бросали на лед лопату, пешню, одежду, невод [3, с. 137]. Т.А. Бернштам считала эту традицию вольного захвата угодий важнейшей архаичной чертой севернорусской поморской общины и находила ее аналогии в земледельческих практиках населения Русского Севера, Урала и Сибири [3, с. 134]. Представляется возможным сделать уточнение: архаичные мужские практики захвата и освоения вольных земель со временем стали использоваться земледельческими общинами. Вообще отмечу, что традиция «метки территории» мужскими сообществами, находящимися за пределами «домашней зоны», является древней практикой и зафиксирована, как в фольклоре, так и в этнографических реалиях. Так, тюрко-монгольские народы для этой цели использовали вертикально поставленный шест с петлей (*урга*). У туркмен был распространен обычай втыкать в землю пику с навешенной тряпкой как знак готовности к военному набегу [4, с. 19]. Посохом с подвешенной на нем сумой «метили» свою территорию калики – добрые молодцы из русских былин, собираясь на «сход» [24, с. 15].

Принцип вольного захвата земельных угодий отмечен и у донских казаков в ранний период их истории, когда осваиваемые ими земли были «дикими», а на территории Донского войска существовал строгий запрет на земледелие. Именно «ничейная», вольная земля (в которую не вложен ни чей труд) почиталась казаками как Божья. «Застолбить» ее можно было разными способами, но преобладали среди них специфические – воинские, свя-

занные с демонстрацией молодецкой удали. Так, при межстаничных разделах земель «полагались на молодца, называемого “общей правдой”, который должен был плыть на коне с одного берега Дона на другой: “где выплывет, там и назначали рубеж”» [10, с. 10]. Еще больше ловкости и силы нужно было проявить при разделе сенокосных лугов: в некоторых станицах устраивались своеобразные «сенокосные скачки»: «кто в известное число секунд, что успел обскакать, сколько ему хотелось сенокосного поля, то он и считает своим, то он и обкашивает» [14, с. 9]. И лишь по мере сокращения земельных угодий казаки переходили от вольнозахватного к уравнительному переделу земель.

Организация внутренней жизни промысловых артелей. Внутренняя жизнь промысловых артелей также во многом соответствовала принципам организации мужских сообществ, находящихся за пределами домашней зоны, тех же воинских казачьих. Совпадает и система терминов, отражающих основные принципы таких организаций. Как и у казаков, у артельщиков-промысловиков существовали такие понятия, как *атаман*, *круг*, *дуван* и др. *Атамáном* назывался глава артели, который избирался из числа самых опытных и удачливых промысловиков. По свидетельству исследователей рыболовецких артелей на Каспии, атаман держал «своих подчиненных в полном страхе и в самой строгой дисциплине»; его решения были «безапелляционны», и каждый член артели выполнял их «без тени прекословия» [16]. Атаман распоряжался всеми работами, следил за порядком, мирил поссорившихся, наказывал виновных, отчитывался перед хозяином. В некоторых случаях он освобождался от определенных работ (например, от разделки туш), получая при этом свою долю. В исключительных случаях для принятия какого-либо ответственного решения собирался круг из числа самых опытных промысловиков [16]. *Завóдчиком* или *атамáном* (определявшим ход работ и следившим за порядком) назывался выбираемый рыбаками Нижнего Дона глава их ватаги.

Охотничьими ватагами, собиравшимися на Дону для охоты на волков или сайгаков в XIX в., руководил специально избираемый на это время *ватáжный атамáн* – из числа

опытных стариков или урядников [35]. При этом «ватажный» атаман обнаруживает сходство (по статусу и властным полномочиям) с «походным» атаманом, которого выбирали донские казаки на время воинского мероприятия (то есть в экстремальных условиях) и которому подчинялись также безоговорочно, в отличие от атамана станичного или наказного [30, с. 283].

Внутренняя структура промысловых артелей предполагала также наличие иерархии с выделением «неполноценных» их членов. Так, в артели тюленщиков иногда нанимались рабочие, выполнявшие за определенную плату «черную работу», которой признавалась гребля на веслах, засолка тюленьих шкур и пр. Каждый рыболов-артельщик имел помощника – *кебѣнщика*, который занимался ремонтом орудий лова, получая за это строго оговоренную и фиксированную плату [33]. По сути, ни чернорабочие, ни кебенщики не являлись членами артелей, не имели права голоса, права на долю добычи и пр. На рыбных ловлях в низовьях Дона также практиковался наем казаками-рыбаками чернорабочих из среды малороссов [26, с. 57]. Интересно, что и в казачьей воинской среде (в Смутное время) зафиксирована категория *чурѳв*, состоявших при опытных казаках и представлявших собой нечто среднее между оруженосцем и слугой [26, с. 137]. Среди донских казаков также были широко распространены представления о таких видах работы, которые «не достойны казака». В случаях неизбежности их выполнения прибегали к найму лиц, не являющихся членами казачьих сообществ [12, с. 17].

В рамках отдельных промысловых артелей регламентировались условия труда и отдыха. Во время промысла никто не имел права ни под каким предлогом отлучаться из артели. У эмбенцев во время зимнего лова после трех дней напряженного труда четвертый определялся в качестве «дня отдохновения» [15, с. 17]. Выбатывались внутри артелей и нормы обычного права. В первую очередь определялись запреты и прописывались способы наказания за нарушения и возмещения причиненных убытков. Так, за проверку чужих орудий лова нарушитель должен был возместить убыток отработкой или денежным штрафом. Пострадавший имел право на от-

дых в те дни, когда виновный выполнял за него работу. Воры изгонялись из артелей «без всякого изъятия» [20]. Особенно суровым наказаниям подвергались воры «со стороны», то есть те, кто не являлся членом артели. В качестве наказания, например, в рыболовецких артелях Нижней Волги использовали: избивание, протаскивание на шестах между двумя прорубями, иногда даже убийство [22]. В Войске Донском в середине XIX в. сложилась система фискальных и карательных мер, применявшихся к нарушителям казачьей рыбной монополии из числа малороссийских крестьян-хамов. Иногда противостояние принимало очень жесткий характер и нередко дело доходило до кровопролитных стычек [26, с. 56–57]. В низовьях Волги столь же жесткое противостояние в рыболовном промысле наблюдалось между русскими рыбаками и казаками Буковской Орды, которые нередко совершали набеги на промыслы, уводя лодки и забирая улов [13]. Организация охраны промыслов со стороны русских и погони за ворами здесь также была коллективной, основанной на тех же артельных принципах.

Раздел добычи, представления о доле. Строго регулировался в рыболовных и охотничьих артелях и раздел добычи (заработка). Анализ этой процедуры позволит нам вновь вернуться к пониманию значения в промысловых сообществах концепта доли, связанного с древними обрядовыми практиками. Большинство артельщиков нанимались к хозяину, оговаривая условие «дележа добычи натурой по давнему обычаю». В таких случаях хозяин находился как бы в доле артели [16]. В XIX в. члены артелей рыболовов все чаще получали в конце сезона заранее оговоренную плату с вычетом «хозяйских харчей». Рыболовы и охотники, имевшие свои орудия лова, «рядились» к хозяину с условием покупки у них добычи по договорной цене. При этом строго учитывалось качество и значимость в промысле орудий лова и охоты, вносимых в общий пай. Так, владелец лодки (у рыбаков) получал пятую часть добычи, владелец невода – половину, владелец сетей (у *зайчатников*) – две трети. По заключении договора обязательно устраивался «праздник» со спиртными напитками.

В ватагах, которые формировались донскими казаками, занимавшимися ловом рыбы

в низовьях Дона, владелец волокуши был *хозяином* ватаги и при разделе наловленной рыбы получал три или четыре части «всего промысла». Каждый из забродчиков получал один пай. Показательно, что вся рыбная добыча имела название *дубан*, что указывает на связь рыболовецких ватаг с древним морским военным промыслом казаков и принципами их воинской организации [30, с. 369–373].

В военизированных сообществах донских казаков в ранний период их истории правилам дележа добычи вообще уделялось очень большое внимание. При этом исследователи уже опровергли мнение о наличии у казаков абсолютного равенства, показав на конкретных примерах, что при разделе полученной во время военных походов добычи – *дубана* – они учитывали не только место и роль каждого казака-воина в конкретном бою, но также и его социальный статус и воинский стаж. Не только атаман, но и опытные казаки вне зависимости от конкретного вклада в боевые действия получали больше, чем новички [29, с. 94]. Показательно, что и в артелях тюленьих бойцов при организации промысла и дележе добычи учитывался опыт его участников [33].

В охотничьих артелях донских казаков вырученные от продажи добычи деньги делились поровну между членами артели, но часть их шла на покупку вина, которое также распивалось сообща [35]. Пирь-беседы, устраиваемые казаками после удачной охоты, имели обрядовый характер. В более позднее время (XIX – начало XX в.) этот обычай сохранялся в виде обязательных *магарычей*, всегда выставлявшихся в виде хмельных напитков. Магарыч, выставляемый при «приходе со службы или похода, охоты или набега на черкес и татар», назывался *спитьём с добычи* [23]. Во всех перечисленных случаях речь шла не о простых пьянках, а об имеющих явно выраженный обрядовый характер, к тому же с магической подоплекой (возврат части добытого для обеспечения возможности дальнейшего получения), связанной, в свою очередь, с понятием жертвы и раздела общей доли. В некоторых рыбацких и бурлацких артелях, которые нанимались к «хозяину» промысла, существовала традиция устраивать коллективную гулянку в шинке сразу после

получения от хозяина задатка. Такая гулянка называлась *запивать ряд* [5]. По материалам XIX в. известно, что коллективное распитие спиртных напитков практиковалось в казачьих общинах также при *растрясе лугов* – разделе по жребии сенокосных угодий. Для казаков-воинов, в ранний период своей истории не знавших ни земледелия, ни настоящей оседлости, именно спиртные напитки (первоначально – мед) выступали символами общей доли, в то время как в земледельческой традиции (в семейной зоне) такими символами обычно были изделия из зерен (выпечка и каши). В некоторых нижеволжских артелях при разделе добычи учитывался особый статус новичков. Так, в ватагах неводных рыбаков юноша, которого впервые приняли в артель, получал плату наравне со всеми, но был обязан поставить своим товарищам ведро водки в начале и в конце путины (тот же магарыч) [33, с. 27].

В практиках дележа охотничьей добычи или улова рыбы у казаков (астраханских и донских) просматривается и древний обычай передачи их части всем членам сообщества (в том числе и тем, кто не участвовал в промысле). Так, на Дону обычай предписывал после удачной охоты созывать друзей и соседей, чтобы *разъесть вместе зверя*. После этого следовал обход дворов, во время которого охотники делились с соседями остатками убитого зверя [28, с. 63]. В этом обычае явно просматриваются древние традиции раздела охотничьей добычи с сородичами и представления о земельных и водных ресурсах, как Божьих, подлежащих перераспределению между всеми членами сообщества.

В рыбном промысле особенно желательной была передача части рыбного улова малоимущим и «обделенным»: старым людям, вдовам, сиротам и пр. Так, у донских казаков зафиксирован обычай *рыбных роздач*, практикуемый старыми казаками, которые после выхода в отставку начинали заниматься рыбной ловлей и назывались *рыбальками*. При этом они никогда не продавали рыбный улов, а раздавали его всем желающим. В источниках особо оговаривается преимущественное занятие рыбной ловлей на Дону стариками, ушедшими из семей и посвятившими себя религиозным практикам [8]. Отношение к рыбной

ловле, как к делу духовному и коллективному, проявлялось на Дону и в обычае собираться в артели для лова рыбы, например, на престольные праздники [30, с. 379]. После лова также сообща варили уху в больших котлах для общей трапезы. И коллективная ловля рыбы, и общий стол с ухой, и безвозмездная раздача рыбы указывают на сакральность таких практик, понимаемых как коллективное перераспределение общей доли.

Использовался при разделе добычи у промысловиков и принцип состязательности, отмеченный уже при захвате территорий и также отражающий их мужской характер. Так, у тюленщиков в XIX в. добыча распределялась в зависимости от степени участия в охоте и количества убитых тюленей. Вместе с тем в этих артелях, применительно к XVIII в., зафиксирован и принцип состязательности при выявлении доли каждого артельщика, определяемый терминами *по ножу* и *на счастливого*. За этими терминами стояло состязание по разделу туш убитых тюленей: плата каждого определялась количеством разделанных туш (*обеловкой*). При этом закончивший обеловку туш на своем участке имел право взять тушку у своего соседа [32, с. 27]. По сути, «счастье» (то есть доля-часть добычи) каждого участника обеловки определялось его сноровкой и опытом. Показательно, что если в обеловке принимали участие чернорабочие, они не получали своей доли, так как не были полноправными членами артелей. При этом обелованные ими туши делились между бойцами поровну. Однако и здесь были исключения. Если промысел был особо удачным (число убитых тюленей превышало тысячу), то распределение всей добычи осуществлялось «по ножу» между всеми участниками охоты. Для соблюдения справедливости при соревновательном разделе тюленщики оставляли на тушах свои метки. Права на добычу лишались лица, нарушившие принятые в артели правила, например, тишину во время охоты или правила резки [36, с. 21].

Результаты. Проведенный сравнительно-исторический и культурологический анализ показал, что общие принципы организации мужских промысловых артелей рыбаков и охотников находят прямые аналогии с организационными принципами, характерными для

архаичных мужских, в том числе воинских, традиций, например, для казачьих сообществ Дона и Волги в ранний период их истории. И вольный захват территорий, и их охрана, и раздел добычи, часто осуществляемые на принципах состязательности, основанных на понятиях силы, ловкости и удачливости, отражали древние мужские стратегии и тактики поведения в неосвоенном (диком, вольном) пространстве и в экстремальных условиях существования. Своеобразными, уходящими корнями к древним родовым практикам, были и представления промысловиков о добыче, трактуемой как общая доля, часть которой должна перераспределяться среди односельчан, и запреты на прикосновение женщин к атрибутам промысла, и промысловая магия.

Внутренняя организация большинства промысловых артелей также во многом демонстрирует схожесть с принципами мужских военизированных сообществ (мужских союзов, казачьих братств) с их внутренней иерархией, выборностью предводителя (атамана) и других должностных лиц, с открытостью судебных процедур, наличием общего собрания (круга) и пр.

Т.А. Бернштам, изучавшая артельное начало в организации рыбных промыслов у поморов, отмечала, что их артельные объединения на длительных морских промыслах представляли собой своеобразные промысловые общины, состоявшие только из мужчин, а принципы их организации представляли собой сложный комплекс сочетания норм обычного права общины на берегу и далеко не всегда согласованных с ними традиций общины на промысле [3, с. 163]. Как показывают наши материалы, мужские промысловые артели на Дону и Нижней Волги включали в себя лишь очень архаичные принципы земледельческих общин, и нет никаких оснований считать, что они были заимствованы ими у них. Речь скорее должна идти о самостоятельности большинства принципов мужских промысловых артелей (в том числе и воинских казачьих), по многим пунктам противопоставленных принципам общин мирных земледельцев.

Учитывая то обстоятельство, что колонизация русскими Дона и Нижнего Поволжья начиная с XVI в. осуществлялась преимущественно вольными казаками (занимавшимися

также охотой и рыболовством), а позднее – русским промысловым населением, а формирование в регионе соседских поземельных общин началось гораздо позднее (с начала XVIII в.), есть основание утверждать, что народные принципы «казакования» и артельного начала, положенные в основу колонизации региона, впоследствии периодически возрождались в более позднее время в промысловой деятельности мужской части населения, закрепляя в общественном сознании прочные стереотипы выживания в экстремальных условиях с опорой на глубокую социальную и культурную архаику. Собственно народные формы самоорганизации существовали наряду с официальными структурами, представляя собой глубокий пласт социальной жизни, отдельные элементы которого дожили до конца XX века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

The work was carried out within the framework of the implementation of the State Research Center of the Russian Academy of Sciences, project no. АААА-А20-120122990111-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова, Т. Б. Региональные традиции народных промыслов в культуре России: на примере Волгоградской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Антипова Татьяна Борисовна. – Волгоград, 2010. – 31 с.
2. Бабинов, В. Р. Выхухоловой промысел в Саратовском уезде / В. Р. Бабинов // Охотничья газета. – 1890. – № 11.
3. Бернштам, Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.
4. Ботяков, Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века) / Ю. М. Ботяков. – СПб. : МАЭ РАН, 2002. – 191 с.
5. Бурлачество // Саратовские губернские ведомости. – 1851. – № 7.
6. В.В.Щ. Очерк Астраханской охоты / В.В.Щ. // Природа и охота. – М., 1887. – № 12. – С. 57–58.
7. Дворниченко, А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа (к истории ранних казачьих сообществ) / А. Ю. Дворниченко // Дом Романовых в истории России. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – С. 124–133.
8. И.Т. Из Донской старины. Записки священника Пивоварова / И.Т. // Казачий вестник. – 1884. – № 14.
9. Карпов, Ю. Ю. Джигит и волк : Мужские союзы и социокультурные традиции горцев Кавказа / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : МАЭ РАН, 1996. – 312 с.
10. Кательников, Е. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 г. декабря 31 дня / Е. Кательников. – Новочеркасск : Областная войска Донскаго типография, 1886. – 63 с.
11. Когитин, В. В. Традиционное хозяйство и промыслы русского населения Нижнего Поволжья (середина XIX – начало XX в) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Когитин Владимир Викторович. – Л., 1987. – 18 с.
12. Куц, О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Куц Олег Юрьевич. – СПб., 2000. – 25 с.
13. Леопольдов, А. Отношения русских к киргизам / А. Леопольдов // Саратовские губернские ведомости. – 1850. – № 43. – С. 197–200.
14. Мордовцев. Физическое строение, почвы и сельское хозяйство Донской области / Мордовцев // Живописная Россия. – М., 1899. – Т. VII, ч. II. – 381 с.
15. Небольсин, П. И. Ловецкие рассказы о Каспийском рыболовстве / П. И. Небольсин // Пантеон. – 1854. – Т. 14, кн. 3. – С. 10–25.
16. Небольсин, П. И. Ловецкие рассказы о Каспийском рыболовстве / П. И. Небольсин // Астраханские губернские ведомости. – 1854. – № 38.
17. Никитин, Н. И. О формационной природе ранних казачьих сообществ / Н. И. Никитин // Феодализм в России. – М. : Ин-т истории России, 1987. – С. 236–245.
18. Никольский, А. М. Астраханские морские ловцы / А. М. Никольский. – СПб. : Тип. мор. м-ва, 1898. – 174 с.
19. Об Астраханских рыболовных промыслах // Коммерческая газета. – 1831. – № 31.
20. Описание работы и жизни ватажных рыбаков // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 857. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 1–5.
21. Павленко, Ю. А. Хозяйственные занятия, быт и материальная культура русского населения Нижнего Поволжья в позднем средневековье – начале нового времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Павленко Юрий Алексеевич. – Йошкар-Ола, 2006. – 23 с.
22. Происшествия // Царицынский вестник. – 1910. – № 3475.

23. Родословная фамилия Мартыновых. Описание старинных увеселений в войске Донском. 1824 г. // Государственный архив Ростовской области. – Ф. 697. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 20.

24. Свод русского фольклора. В 25 т. Т. 1. Былины Печоры. – СПб. ; М. : Наука-Классика, 2001. – 772 с.

25. Скрынников, Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. / Р. Г. Скрынников. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 327 с.

26. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г. Г. Матишов, Т. Ю. Власкина, А. В. Венков, Н. А. Власкина. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 216 с.

27. Суслятники // Астраханские губернские ведомости. – 1875. – № 178.

28. Сухоруков, В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях / В. Д. Сухоруков. – Новочеркасск : Изд-во ред. газ. «Донская речь», 1892. – 93 с.

29. Усенко, О. Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII – начале XVIII в. (субидеологические представления, установки, стереотипы) / О. Г. Усенко // Казачество России: прошлое и настоящее. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2006. – С. 85–108.

30. Харузин, М. Сведения о казацких общинах на Дону / М. Харузин. – М. : Тип. М. П. Щепкина, 1885. – 388 с.

31. Шаханова, Н. Ж. Специфика пищи в военно-кочевом быту казахов (XVII–XIX вв.) / Н. Ж. Шаханова // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. – М., 1990. – С. 79–91.

32. Шмидт, Н. Я. К гигиене рыбного промысла в устье реки Волги / Н. Я. Шмидт. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1895. – 73 с.

33. Шульц, А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы / А. Шульц // Астраханские губернские ведомости. – 1874. – № 44.

34. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 544 с.

35. Я.А. Из Бурацкой станицы (Хоперского округа) / Я.А. // Донская газета. – 1874. – № 16.

36. Яковлев, В. Е. Тюлений промысел в Каспийском море / В. Е. Яковлев // Природа. – 1875. – С. 20–24.

37. Ямсков, А. Н. Рыболовецкие сообщества и традиционное рыболовство на казачьем Юге России / А. Н. Ямсков, Т. Ю. Власкина // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 5. – С. 3–13.

Volgogradskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Regional Traditions of Folk Crafts in the Culture of Russia: On the Example of the Volgograd Region. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd. 31 p.

2. Babinov V.R. Vykukholevoy promysel v Saratovskom uyezde [The Russian Desman Hunting in Saratovsky Uyezd]. *Okhotnichia gazeta*, 1890, no. 11.

3. Bernshtam T.A. *Pomory: Formirovaniye gruppy i sistema khozyaystva* [Pomory: The Formation of a Group and the System of Economy]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 176 p.

4. Botyakov Yu.M. *Alaman. Sotsialno-ekonomicheskiye aspekty instituta nabega u turkmen (seredina XIX – pervaya polovina XX veka)* [Alaman. Socio-Economic Aspects of the Institute of the Turkmen Raid (Mid-19th – First Half of the 20th Century)]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2002. 191 p.

5. Burlachestvo [Burlaks]. *Saratovskiy gubernskiy vedomosti*, 1851, no. 7.

6. V.V.Shch. Ocherk Astrakhanskoy okhoty [An Essay of the Astrakhan Hunt]. *Priroda i okhota*. Moscow, 1887, no. 12, pp. 57–58.

7. Dvornichenko A.Yu. *Pervyye Romanovy i demokraticheskiye traditsii russkogo naroda (k istorii rannikh kazachikh soobshchestv)* [The First Romanovs and Democratic Traditions of the Russian People (On the History of Early Cossack Communities)]. *Dom Romanovykh v istorii Rossii*. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1995, pp. 124–133.

8. I.T. Iz Donskoy stariny. Zapiski svyashchennika Pivovarova [From the Don Antiquity. Notes of the Priest Pivovarov]. *Kazachiy vestnik*, 1884, no. 14.

9. Karpov Yu.Yu. *Dzhigit i volk: Muzhskiy soyuz i sotsiokulturnyye traditsii gortsev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf: Male Unions and Socio-Cultural Traditions of the Mountaineers of the Caucasus]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1996. 312 p.

10. Katelnikov E. *Istoricheskiye svedeniya o Verkhne-Kurmoyarskoy stanitse, sostavlennoye iz skazaniy starozhilov i sobstvennykh primechaniy, 1818 g. dekabrya 31 dnya* [Historical Information About the Verkhne-Kurmoyarskaya Stanitsa, Composed of the Stories of Old Residents and Their Own Notes, December 31, 1818]. NovoCherkassk, Oblastnaya voyska Donskago tipografiya, 1886. 63 p.

11. Kogitin V.V., 1987. *Traditsionnoye khozyaystvo i promysly russkogo naseleniya Nizhnego Povolzhia (seredina XIX – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Traditional Economy and Crafts of the Russian Population of the Lower Volga Region (Mid-19th–Early 20th Centuries). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Leningrad. 18 p.

12. Kuts O.Yu., 2000. *Donskoye kazachestvo ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Don Cossacks

REFERENCES

1. Antipova T.B., 2010. *Regionalnyye traditsii narodnykh promyslov v kulture Rossii: na primere*

from the Capture of Azov to the Uprising of S. Razin (1637–1667). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 25 p.

13. Leopoldov A. Otnosheniya russkikh k kirgizam [Attitudes of Russians Toward the Kyrgyz]. *Saratovskiy gubernskiy vedomosti*, 1850, no. 43, pp. 197-200.

14. Mordovtsev. Fizicheskoye stroyeniye, pochvy i selskoye khozyaystvo Donskoy oblasti [Physical Structure, Soils and Agriculture of the Don Region]. *Zhivopisnaya Rossiya*. Moscow, 1899, vol. 7, pt. 2. 381 p.

15. Nebolsin P.I. Lovetskiye rasskazy o Kaspiyskom rybolovstve [Fishers' Stories About Caspian Fishing]. *Panteon*, 1854, vol. 14, book 3, pp. 10-25.

16. Nebolsin P.I. Lovetskiye rasskazy o Kaspiyskom rybolovstve [Fishers' Stories About Caspian Fishing]. *Astrakhanskiye gubernskiy vedomosti*, 1854, no. 38.

17. Nikitin N.I. O formatsionnoy prirode rannikh kazachikh soobshchestv [On the Formational Nature of Early Cossack Communities]. *Feodalizm v Rossii*. Moscow, In-t istorii Rossii, 1987, pp. 236-245.

18. Nikolskiy A.M. *Astrakhanskiye morskoye lovtzy* [Astrakhan Sea Hunters]. Saint Petersburg, Tip. mor. m-va, 1898. 174 p.

19. Ob Astrakhanskikh rybolovnykh promyslakh [About Astrakhan Fisheries]. *Kommercheskaya gazeta*, 1831, no. 31.

20. Opisaniye raboty i zhizni vatazhnykh rybakov [Description of the Work and Life of Fishing Artels]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti*, f. 857, inv. 1, d. 116, l. 1-5.

21. Pavlenko Yu.A., 2006. *Khozyaystvennyye zanyatiya, byt i materialnaya kultura russkogo naseleniya Nizhnego Povolzhia v pozdnem srednevekovye – nachale novogo vremeni: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Economic Occupations, Life and Material Culture of the Russian Population of the Lower Volga Region in the Late Middle Ages – Early Modern Times. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Yoshkar-Ola. 23 p.

22. Proisshestviya [Incidents]. *Tsaritsynskiy vestnik*, 1910, no. 3475.

23. Rodoslovnaya familiya Martynovykh. Opisaniye starinnykh uveseleniy v voyske Donskom. 1824 g. [The Headlines of the Martynovs. Description of Ancient Amusements in the Don Army. 1824]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*, f. 697, inv. 2, d. 70, l. 20.

24. *Svod russkogo folklora. V 25 t. T. 1. Byliny Pechory* [The Corpus of Russian Folklore. In 25 vols. Vol. 1. The Epics of Pechora]. Saint Petersburg, Moscow, Nauka-Klassika Publ., 2001. 772 p.

25. Skrynnikov R.G. *Sotsialno-politicheskaya borba v Russkom gosudarstve v nachale XVII v.* [Socio-Political Struggle in the Russian State at the

Beginning of the 17th Century]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1985. 327 p.

26. Matishov G.G., Vlaskina T.Yu., Venkov A.V., Vlaskina N.A. *Sotsialno-istoricheskiy portret delty Dona: kazachiy khutor Donskoy* [Socio-Historical Portrait of the Don Delta: Donskoy Cossack Khutor]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2012. 216 p.

27. Suslyatniki [Exterminators of Gophers]. *Astrakhanskiye gubernskiy vedomosti*, 1875, no. 178.

28. Sukhorukov V.D. *Obshchezhitnye donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh* [Co-Existence of the Don Cossacks in the 17th and 18th Centuries]. Novocherkassk, Izd-vo red. gaz. «Donskaya rech», 1892. 93 p.

29. Usenko O.G. Nekotoryye cherty massovogo soznaniya donsokogo kazachestva v XVII – nachale XVIII v. (subideologicheskiye predstavleniya, ustanovki, stereotipy) [Some Features of the Mass Consciousness of the Don Cossacks in the 17th – Early 18th Century (Subideological Notions, Attitudes, Stereotypes)]. *Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoyashcheye* [Cossacks of Russia: Past and Present]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2006, pp. 85-108.

30. Kharuzin M. *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu* [Information About Cossack Communities on the Don]. Moscow, Tip. M.P. Shchepkina, 1885. 388 p.

31. Shakhanova N.Zh. Spetsifika pishchi v voyenno-kochevom bytu kazakhov (XVII–XIX vv.) [The Specifics of Food in the Military Nomadic Life of the Kazakhs (17th–19th Centuries)]. *Etnograficheskiye aspekty traditsionnoy voyennoy organizatsii narodov Kavkaza i Sredney Azii*. Moscow, 1990, pp. 79-91.

32. Shmidt N.Ya. *K gigiyene rybnogo promysla v ustye reki Volgi* [To the Hygiene of Fishing at the Mouth of the Volga River]. Moscow, Tip. M.G. Volchaninova, 1895. 73 p.

33. Shults A. Vzgl'yad na Kaspiyskiye rybnyye i tyuleni promysly [A Look at the Caspian Fish and Seal Fisheries]. *Astrakhanskiye gubernskiy vedomosti*, 1874, no. 44.

34. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 544 p.

35. Ya.A. Iz Buratskoy stanitsy (Khoperskogo okruga) [From Buratskaya Stanitsa (Khopersky District)]. *Donskaya gazeta*, 1874, no. 16.

36. Yakovlev V.E. Tyuleniyy promysel v Kaspiyskom more [A Look at the Caspian Fish and Seal Fisheries]. *Priroda*, 1875, no. 2, pp. 20-24.

37. Yamskov A.N., Vlaskina T.Yu. Rybolovetskiye soobshchestva i traditsionnoye rybolovstvo na kazachyem Yuge Rossii [Fishers' Communities and Traditional Fishing in the Cossack South of Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2013, no. 5, pp. 3-13.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Kazachestvo, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>